

Для цитування: Шевченко І.С. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: одиниці і категорії // Лінгвістическіе дослідження : збірник статей ЕГУ. – Вип. 5. – Єреван : Лимуш, 2015. – С. 146–158.
Please cite as: Shevchenko, I.S. (2015). Diskurs kak kognitivno-kommunikativnyj fenomen: edinicy i kategorii [Discourse as cognitive-communicative phenomenon: units and categories]. Lingvisticheskie issledovaniya : sbornik statej EGU. – Vyp. 5. – Linguistic studies : a collection of articles of Yerevan State Univ. Erevan : Limush Publ. 146-158 (in Russian)

Шевченко І.С.

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина

Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории

В последние десятилетия в лингвистике не прекращается научная дискуссия о природе дискурса. Будучи актуальной проблемой, дискурс и его единицы постоянно находятся в центре внимания, чего нельзя сказать о категориях дискурса – не менее важной проблеме, которая попала в фокус внимания лингвистов лишь в последнее время. Не случайно потому данная статья обращается к уточнению трактовки дискурса в когнитивно-коммуникативном ракурсе, выделению его единиц и системы категорий дискурса как единства дискурсивных и метадискурсивных феноменов, что определяет новизну предлагаемого подхода.

Понятие дискурса в когнитивно-коммуникативной парадигме. Из множества известных в XX веке трактовок дискурса когнитивно-коммуникативной парадигме ближе всех концепция М. Фуко, в которой дискурс – это социальная практика, практика получения знаний [Фуко 2004]. Деятельностный подход к дискурсивной практике лежит в основе современного дискурс-анализа. Как пишет Р. Водак, «критический дискурс-анализ рассматривает дискурс – язык, используемый в речи или на письме, – как форму «социальной практики», диалектическую зависимость»: с одной стороны, дискурс конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами [Wodak 1996:15].

В культурно-ситуативном понимании дискурс трактуется как текст в контексте, как событие с позиции действия [Dijk 1977]. Он предстает как связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137]. При этом дискурс не подменяет понятие текста – «дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некоей формальной конструкции – текста» [Чернявская 2011: 177].

В нашем понимании дискурс – «интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью» [Шевченко Морозова, с.28]. Лингвистическим воплощением дискурса как явления, разворачивающегося во времени, служит текст – его результат. В отличие от текста – онтологической сущности, характеристики дискурса-события не онтологичны, они конструируются говорящим и слушающим и выходят за пределы лингвистики как науки, что соответствует принципам когнитивно-дискурсивной парадигмы, определяемой Е.С. Кубряковой как экспансионистская, антропоцентрическая, функциональная, экспланаторная [Кубрякова 1995: 207].

Единицы дискурса. Структура дискурса остается дискуссионной, к чему приводит отсутствие общепринятой терминологии для различных единиц, неоправданное совмещение в одной типологии единиц речи и единиц дискурса. Между тем, еще школа дискурс-анализа подчеркивала, что ни текст, ни высказывание не являются единицами дискурса, в их роли выступают коммуникативные события и коммуникативные акты с их учетом личностных и социальных характеристик говорящего и слушающего, других параметров социальной ситуации [Dijk 1977].

Школа конверсационного анализа фокусирует внимание на устном диалогичном дискурсе повседневного общения и считает единицами дискурса: разговор (conversation), топик (topic), последовательность (sequence), смежную пару (adjacency pair), реплику (репликовый шаг) (turn) [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974]. Среди единиц дискурса исследователи выделяют коммуникативное взаимодействие (interaction), транзакцию (transaction), обмен (exchange), ход (move), коммуникативный акт (act). Минимальной единицей коммуникативного действия признают коммуникативный акт, а единицей коммуникативного взаимодействия – обмен (его также определяют как интерактивный блок, простую интеракцию, элементарный цикл [Макаров 2003]). То есть, если в речи минимальной единицей является высказывание, то в дискурсе чаще всего такой единицей признают речевой акт [там же].

С началом XXI века оформляется новый вектор исследований – когнитивно-прагматический, объединяющий когнитивное и коммуникативное (прагматическое) начала функциональной мегапарадигмы. «Когнитивная прагматика сфокусирована на ментальных операциях, связанных с передаваемыми в дискурсивных ситуациях смыслами: в ее предмете акцентировано порождение и толкование смыслов как ментальных / мыслительных феноменов в речевой деятельности субъектов» [Шевченко, Сусов, Безуглая 2008: 7]. В когнитивной прагматике используются базовые положения

дискурс-анализа, в частности, подчеркивается интерактивная природа дискурса, который понимается не только как действие, но как взаимодействие, совместное конструирование смыслов. Когнитивный ракурс анализа дискурса заставляет пересмотреть традиционную трактовку речевого акта: минимальной единицей дискурса мы считаем речевой акт, который определяем как речевое *взаимодействие* говорящего и слушателя для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения по ходу общения. Речевой акт состоит из аспектов адресанта и адресата (также активных в дискурсе), иллокутивного, денотативного, локутивного, интенционального, ситуативного, контекстуального (в широком смысле), метакоммуникативного аспектов и разворачивается по определенному когнитивному сценарию с учетом прагматических пресуппозиций. Речевой акт моделируется нами в виде трех блоков: антропоцентрического, состоящего из адресантного, адресатного и интенционального аспектов, блока условий и способов реализации речевого акта, объединяющего контекстный, ситуативный и метакоммуникативный аспекты, а также центрального речеактового блока, объединяющего два предыдущих и включающего денотативный, локутивный и иллокутивный аспекты, что соответствует плану содержания, плану выражения и актуализации высказывания в речи [Шевченко 1998: 43].

Последовательность связанных речевых ходов составляет речевой шаг или обмен, который трактуется как смежная пара реплик [Levinson 1983], интерактивный блок (в функционально-синтаксическом подходе он соответствует диалогическому единству – ДЕ). Речевой шаг является обменом из минимум двух ходов (стимул – реакция). В классической прагматике элементарный обмен «адресант – адресат» назван дискурсивным актом в противовес речевому акту как минимальной единице речевого действия одного адресанта.

Последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения, обозначается как транзакция – соответствие понятия (микро)диалога в речи.

Самым крупным элементом в структуре дискурса является речевое событие (speech event) – завершенное речевое общение, разговор, интеракция, которая соответствует в речи макродиалогу или (макро)тексту, например, в таких специфических ситуациях, как встреча с друзьями, телефонный звонок [van Dijk 1997: 2].

Сказанное позволяет определить структуру дискурса в виде иерархии единиц, перечисленных по степени уменьшения: речевое событие (speech event), транзакция (transaction), шаг (exchange), ход (move), речевой акт (speech act).

Категории дискурса. По сравнению с анализом дискурса история вопроса о его категориях насчитывает всего несколько лет. Поднятый трудах В.И. Карасика [Карасик 2002] как вопрос о четырех группах категорий дискурса, он рассматривается М.Л. Макаровым, который выделяет шесть отдельных категорий дискурса, исходя из ориентации на коммуникатора, в противоположность текстоцентрическому подходу [Макаров 2003].

Категория трактуется философией как форма отражения в мысли универсальных законов объективного мира, предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения действительности и познания. К основным категориям принадлежат категории материи, движения, пространства, времени и др.

Если категории текста относительно полно описаны Р. де Бограндом и В. Дресслером (когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость (здесь – интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality) [Beaugrande, Dressler 1981], хотя развитие лингвистики последних лет внесло в это описание существенные дополнения), то общепризнанная классификация категорий дискурса пока отсутствует. Категории текста и дискурса взаимосвязаны между собой: первые составляют содержательную основу дискурса. Так, В.И. Карасик предлагает четырехчленную классификацию категорий дискурса: «1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия)» [Карасик 2002: 241].

Уточнение параметров системы категорий позволяет нам с определенной долей условности различать (1) когнитивные, (2) коммуникативные, (3) метадискурсивные категории, а также выделить гиперкатегорию интердискурсивности, где две первые группы (дискурсивных) категорий дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании.

К числу *когнитивных* категорий дискурса относим информативность – смыслы, передаваемые в ходе коммуникации; когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную).

Коммуникативные категории дискурса охватывают интенциональность и адресованность, то есть социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотнесенность вербальных и невербальных аспектов общения (перечень отдельных категорий внутри группы может быть продолжен).

В отличие от когнитивных и коммуникативных категорий метадискурсивные категории позволяют судить о плане выражения дискурса – его структуре, организации, развертывании. К *метадискурсивным* мы относим четыре категории: средства оформления дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) и операциональную категорию мены коммуникативных ролей [Шевченко 2010]. Тем самым дискурсивные и метадискурсивные категории находятся в дополнительных отношениях и связаны по принципу содержание :: выражение, диктум :: модус.

Понятие «метадискурсивный» введено в научный оборот Дианой Винсент [Vincent 1998], которая рассматривает оценочные метадискурсивные (metadiscursive) комментарии как стратегию взаимодействия (interactional strategy), с помощью которой говорящий сохраняет очередность говорения [Heisler 2003]. На уровне речевого взаимодействия метадискурсивные комментарии имеют целью привлечение внимания собеседника (*Do you understand what I want to say?*), на уровне текста – привлечение внимания к выделенным элементам беседы (*I'm telling you this because...*), на эмоциональном уровне – подчеркивание отношения говорящего к дискурсу (*It makes me sad to say*) [там же: 1615-1616].

В науке использование префикса «мета-» на сегодняшний день имеет две основные тенденции: с одной стороны, он понимается как синоним «псевдо» или «сопутствие». Так, согласно модели Г. Бейтсона, коммуникация осуществляется на двух уровнях: коммуникативном и метакоммуникативном, где первый имеет стандартную трактовку, а второй «задает модус передаваемости сообщения» [Почепцов 2001: 32-33]. С другой стороны, в лингвистике при описании естественных языков метаязык выступает как специальный язык, на котором осуществляется представление другого языка, формализованного для соответствующего описания, это язык второго порядка (таков метаязык семантических примитивов А. Вежбицкой). Метакоммуникация понимается также как процесса перевода – «вторичная» коммуникации по линии «переводчик –

читатель метатекста», зависимый от первичной коммуникации «автор – читатель прототекста».

Исходя из первой трактовки «мета-» как сопровождающего явления и метадискурсивности как фактора «управления интеракцией» [Heisler 2003: 1614], к метадискурсивным категориям относим: коммуникативные стратегии и тактики, жанрово-стилистические особенности дискурса. Стратегии дискурса принято связывать с коммуникативными постулатами (*discourse maxims*) П. Грайса, т.е. принципами успешного общения. Их разнообразие в соответствии с мотивами и интенциями участников дискурса находит выражение в конкретных тактиках. Если общение соответствует правилам данного социума, эти характеристики дискурса остаются незамеченными; они осознаются только в случае коммуникативного сбоя [Карасик 2002].

Жанрово-стилистические (формально-структурные) категории текста позволяют установить его содержательные характеристики, будучи неразрывно связанными с семантико-прагматическими и категориями. В дискурсе жанрово-стилистическая метакатегория определяет выбор форм высказываний и текстов в зависимости от определенных дискурсивных формаций, свойственных тем или иным сферам социальной практики и заданных культурной традицией народа. Однако типы дискурса – языкового коррелята соответствующей коммуникативной деятельности, человеческого сознания и практики – не тождественны функциональным стилям. Если первые, по мнению В.Е.Чернявской, выделяются на основании содержательно-смысловой общности, то вторые – общности формы общественного сознания, в результате чего количество функциональных стилей конечно (как правило, их выделяют пять – публицистический, научный и т.д), в то время как дискурсов бесконечно много (можно говорить о дискурсе химии, генетики и под., но не существует «функционального стиля генетики») [Чернявская 2011].

Среди метадискурсивных категорий мы усматриваем две операциональные (то есть, спонтанные, происходящие в режиме реального времени [Sacks , Schegloff, Jefferson 1974]) категории: мена коммуникативных ролей и фатическая метакоммуникация, присущие диалогическому дискурсу. Категория мены ролей понимается как внутренняя организация диалогического дискурса и признается «основополагающим фактором его динамической организации [Макаров 2003: 192]. Мена коммуникативных ролей (*turn-taking*) определяется как передача роли говорящего от одного участника общения другому. Именно связь отдельных ходов коммуникантов в дискурсивном обмене и взаимозависимость этих ходов (в тематическом, интенциональном, синтаксико-семантическом и др. аспектах) обеспечивает процесс речевой интеракции в

диалогическом дискурсе. Категория мены ролей обеспечивает развитие дискурса и продвижение информации, «контролирует развитие темы и отражает стратегии и тактики участников интеракции» [Аристов 2001: 8], что раскрывает ее операциональную речеорганизующую природу. Тем самым, мена ролей – это «операциональная метадискурсивная категория, которая обеспечивает структурирование и регуляцию диалогического дискурса в режиме реального времени путем перехода роли говорящего от одного участника общения к другому, добровольного принудительного завершения коммуникативного вклада одного коммуниканта и присвоения права на вклад другим» [Лавриненко 2011].

Фатическая метакоммуникация направлена на включение/переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и размыкание речевого контакта. Она служит вербальным средством организации речевого взаимодействия и обеспечения эффективной передачи когнитивной информации в дискурсе и реализуется «специализированными средствами – речевыми стереотипами, неспециализированными вербальными и невербальными средствами; характеризуется доминированием социально-регулятивной информации, конвенциональностью и ритуализованностью» [Матюхина 2004: 12].

Фатическая метакоммуникация служит социальному воздействию: в ней, как правило, не происходит передачи существенной информации, а осуществляются определенные социальные акты – приветствия, прощания, представления и др. При этом собеседники руководствуются целями организации и регулирования социального контакта, но не целями сообщения существенной информации.

Вместе с тем, фатическую метакатегорию нельзя в полной мере считать операциональной, лишенной когнитивной информации. С одной стороны, информативность обладает градуальным характером и о ее наличии / отсутствии можно говорить лишь в терминах «более / менее»; с другой стороны, категории имеют области пересечения в силу прозрачности, нечеткости своих границ. Так, информационное наполнение фатической метакоммуникации, в определенной степени присущее приветствиям, прощаниям и т.п., особенно заметно в таких жанрах не прямой коммуникации как *small talk* и флирт [Матюхина 2004]. Это свойство ограниченной информативности представляется важнейшим отличием фатической категории от категории мены ролей, которая в отсутствие собственного информативного наполнения служит лишь средством структурирования, продвижения дискурса и, следовательно, является операциональной метадискурсивной категорией.

Сказанное позволяет рассматривать метадискурсивные категории дискурса как градуальные относительно шкалы информативности: коммуникативные стратегии дискурса, его жанрово-стилистические характеристики тяготеют к полюсу *maximum*, фатическая метакатегория занимает промежуточное положение на шкале, а категория мены ролей практически лишена информативности и принадлежит к полюсу *minimum*.

Наконец, выделение *гиперкатегории интердискурсивности* является развитием теории интертекстуальности в дискурсивной парадигме, поскольку привлекает к анализу культурные коды надтекстовых отношений, ментальность, нормы деятельности человека. Интердискурсивность характеризует взаимодействие между различными дискурсами, т.е. пересечение, интеграцию различных областей знания и практики: использование элементов научного дискурса (терминов, ссылок на авторитетные источники и др.) в рекламном дискурсе, перенесение стратегий и тактик одного типа дискурса в другой (например, политическому дискурсу Буша присущи тактики и приемы, характерные для дискурса проповеди – уход от конкретики, сугестия вместо аргументирования), жанровое оформление дискурса современных СМИ России пестрит формами, типичными для разговорного дискурса, вплоть до жаргонизмов и инвективной лексики (информационное начало подменяется тактиками навешивания ярлыков, травли инакомыслящих «чужих» и т.д.).

Суммируя, можно сделать выводы, что в соответствии с принципами когнитивно-коммуникативной научной парадигмы, основанной на неразрывности мыслительного и коммуникативного начал в общении, признании активной роли обоих коммуникантов в дискурсе и толковании дискурсивных значений как конструированных говорящим и слушающим в определенной ситуации, мы трактуем дискурс как интегральный феномен, мыслекоммуникативную деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью.

Минимальной единицей дискурса признаем речевой акт, переосмысленный как речевое взаимодействие говорящего и слушателя для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения; а более крупными единицами дискурса – речевой ход → шаг (обмен) → транзакцию → речевое событие.

Дискурс является многоаспектной языково-когнитивно-коммуникативной системой-гештальтом, которая определяется совокупностью трех аспектов: передачей/использованием идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-

культурных контекстах/ситуациях и аспектом языкового использования. Соответственно, категории дискурса представляем как систему когнитивных, коммуникативных и метадискурсивных категорий, где первые две соответствуют содержательным, а последняя – операционально-организующим аспектам дискурса; эти категории объединены гиперкатегорией интердискурсивности.

Литература:

1. **Аристов С.А.** Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Тверь, 2001.
2. **Арутюнова Н.Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
3. **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2003.
4. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс – Волгоград: Перемена, 2002.
5. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опит парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: РАН, 1995.
6. **Лавриненко И. Н.** Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе : Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Харьков, 2011.
7. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса– М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
8. **Матюхина Ю.В.** Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI - XX вв: Дисс. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2004.
9. **Почепцов Г.Г.** Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001.
10. **Фуко М.** Археология знания. – СПб: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004.
11. **Чернявская В.Е.** Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Проблемы экономического дискурса. — СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ, 2003.
12. **Чернявская В.Е.** Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс.– Междунар. эл. сборник научн. трудов. – 2011, №.3. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>
13. **Шевченко И.С., Морозова Е.И.** Дискурс как мыслекоммуникативное образовани. // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. – 2003, № 586.
14. **Шевченко И.С.** Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16–20 вв.: монография. – Харьков: Константа, 1998.

15. Шевченко И.С., Сусов И.П., Безуглая Л.Р. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики // Вестник ХНУ имени В.Н. Каразина. — 2008, № 811.
16. **Beaugrande** R. de., W. Dressler. Introduction to Text Linguistics. – L.: Longman, 1981.
17. **Dijk** T.A. van. Text and context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – L.: Longman, 1977.
18. **Heisler** T., D. Vincent, A. Bergeron. Evaluative metadiscursive comments and face-work in conversational discourse // Journal of Pragmatics. – 2003. V. 35.
19. **Levinson** S.C. Pragmatics. — London etc.: Oxford University Press, 1983.
20. **Sacks** H., E.A. Schegloff, G. Jefferson. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. – 1974, Vol. 50(4). Part I.
21. **Vincent** D., D. Deshaies, M. Laforest, C. Paradis, L. Perrin. A Few Remarks on Metadiscursive Utterances Constructed with the Verb DIRE // NWAVE 27. – Athens, 1998.
22. **Wodak** R. Disorders of Discourse. – L.: Longman, 1996.

Shevchenko I.S. Discourse as cognitive-communicative phenomenon: units and categories. This article addressed theoretical issues of cognitive-communicative discourse paradigm and focuses on the speech act as a minimal discourse unit. The cognitive-pragmatic approach to discourse categories serves the base to distinguish between cognitive, communicative, metadiscursive categories and the hypercategory of interdiscursivity.

Keywords: cognitive pragmatics, discoure, units, discursive categories, speech act.

Шевченко Ирина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, академик АН ВШ Украины, заведующая кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина г. Харьков, Украина. e-address: irina.shevchenko7@gmail.com